

УДК 324

СЕРАВИН Александр Игоревич — кандидат политических наук, исследователь Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; electoral.politic@gmail.com); Researcher ID (Web of Science) — KIE-5295-2024; SPIN (РИНЦ) 7136-4463

О ДОВЕРИИ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. В статье раскрываются основные направления исследования делиберативной демократии и кризис доверия. Констатируется, что концепция делиберативной (совещательной) демократии направлена на преодоление кризиса представительной демократии через вовлечение граждан в рациональный диалог для формирования общественного консенсуса. Проведенный анализ позволяет отметить, что реализация делиберативной демократии сталкивается с вызовами, связанными с отсутствием справедливых процедур и растущим недоверием к политическим институтам. Делиберативная модель акцентирует роль публичного обсуждения и аргументированного диалога как основы легитимности политических решений. В исследовании выявлены проблемы реализации делиберативных процедур, такие как недостаток инклюзивности, когда общественный диалог часто ограничивается узким кругом элит, что исключает менее подготовленных граждан из политического процесса; использование инструментов манипуляции и популизма, когда СМИ и элиты сознательно искажают информацию, подменяя рациональный дискурс эмоциональными нарративами. В заключение автор констатирует, что пути укрепления доверия возможны через делиберативные механизмы, такие как цифровизация, позволяющая использовать онлайн-платформы для массового участия, инициативы в направлении политического просвещения, открытость данных и решений, когда высокий уровень доверия коррелирует с эффективной моделью политического управления.

Ключевые слова: демократия, делиберация, политическое доверие, публичная сфера, политическое участие

Введение. Дискурс делиберативной демократии (от англ. *deliberation* — обсуждение, обдумывание) — одно из актуальных направлений в теории демократии, сформировавшееся в 80-е гг. XX в. [Кустарев 2017; Линде 2015].

Распространенное в научной литературе определение понятия «демократия» звучит так: «Правление народа, посредством народа, для народа» [Sartori 1962: 26]. О. Хоффе отмечает, что демократия выступает за самоопределение народа. Решения принимаются от имени народа [Höffe 1999: 108–109]. Концепция демократии по своей сути является потенциально открытой концепцией. Теоретики демократии начинают с вышеупомянутых элементов и пытаются конструировать теорию демократии, которая может быть адаптирована к потребностям сегодняшнего мира [Hofmann 2004: 209]. Более того, становится все более очевидным тот факт, что, когда речь идет о публично-политической тактике, в основе должно лежать взаимопроникновение как эмпирической, так и нормативной теорий.

Представители концепции делиберативной демократии утверждают, что отсутствуют справедливые процедуры для обеспечения результатов сотрудничества граждан. В результате в обществе возникает недоверие к тому, что различные идеологии политического поворота рассматриваются как кризис демократии. Теоретики делиберативной демократии подчеркивают свое стремление к совещательной форме демократии, основанной на вовлечении

граждан в диалоговые процедуры по политическим вопросам, востребованным обществом. Э. Гидденс пишет, что благодаря совещательному взгляду на демократию демократия стала более открытой [Giddens 1994: 159].

По мнению Ю. Хабермаса, демократия функционирует через коммуникативный рациональный дискурс, где граждане участвуют в формировании законов на равных условиях [Habermas 1990; Habermas 1992]. Джон Ролз добавляет, что политическая система должна обеспечивать справедливость через ограничение личных интересов ради общего блага [Rawls 1997]. Однако критики, такие как Шанталь Муфф, указывают на утопичность идеи консенсуса, подчеркивая, что политика всегда связана с конфликтом интересов [Mouffe 2013: 7-21]. Ш. Муфф предлагает агонистическую демократию, где противоречия не подавляются, а трансформируются в дебаты.

Ю. Хабермас, один из ключевых теоретиков современной политической философии, действительно развивает концепцию делиберативной демократии, которая акцентирует важность рационального обсуждения и достижения консенсуса в процессе принятия политических решений. Его подход к публичной сфере и демократии эволюционировал с течением времени, и в середине 1990-х гг. он предложил понимание публичной сферы как пространства, где свободные и равные граждане могут участвовать в рационально-критической дискуссии, свободной от влияния государственных и корпоративных интересов. Хабермас подчеркивает, что делиберация должна основываться на разумной аргументации, а участники дискуссии должны быть свободными и равными. Это означает, что ни один голос не должен доминировать над другим, а решения должны приниматься на основе аргументов, а не силы или власти. Ю. Хабермас переосмысливает публичную сферу как систему коммуникации, которая связывает формальные политические институты (например, парламенты и правительства) с неформальными обсуждениями среди граждан. Это создает «спиральную» модель коммуникации, где общественное мнение формируется снизу, а не навязывается сверху. Ю. Хабермас предлагает спиральную модель, где политическая коммуникация циркулирует между различными уровнями общества. Начинается она с формирования общественного мнения на низовом уровне, а затем поднимается до уровня принятия решений, после чего снова возвращается к гражданам для дальнейшего обсуждения и корректировки. Хабермасовская концепция делиберативной демократии имеет большое значение для современной политической теории, т.к. она предлагает альтернативу традиционным моделям демократии, основанным исключительно на голосовании и представительстве. Однако эта модель также подвергается критике за идеализацию процесса обсуждения. Критики указывают на то, что в реальности публичная сфера часто подвержена влиянию неравенства, манипуляций и доминирования элит.

Основная часть. Для функционирования демократического государства необходима уверенность граждан в том, что власть выполнит возложенные на нее задачи в интересах благополучия населения. Если недоверие к выборным органам становится подавляющим или значительная часть граждан больше не желает участвовать (или исключается из участия с самого начала), демократическая система теряет свою репрезентативность и легитимность. Когда в январе 2021 г. сторонники тогда бывшего президента США Дональда Трампа штурмовали Капитолий из-за сомнений в официальных результатах выборов, возник пример потери доверия определенных слоев населения к существующим институтам. Но не стоит смотреть только на США, потому

что европейские институты, судя по всему, тоже пострадали от кризиса доверия: согласно опросу доверия ОЭСР, в среднем только 4 из 10 граждан стран ОЭСР доверяют национальным правительствам. Сравнительный анализ стран ОЭСР позволяет констатировать, что дела обстоят еще хуже: только 3 из 10 респондентов считают, что политическая система в их стране действительно дает им право голоса¹ (см. табл. 1).

Рост доли респондентов с низким или нулевым доверием правительству с 40% в 2021 г. до 43% в 2023 г. фиксирует важные изменения в уровнях доверия по отдельным странам. В частности, наблюдается прирост доли респондентов с высоким или умеренно высоким доверием правительству в Бельгии, Канаде, Франции, Латвии и Швеции. Существенное снижение доли респондентов, доверяющих правительствам, отмечается в Финляндии и Норвегии. При этом в Финляндии на уровень доверия мог оказать влияние эффект «сплочения вокруг флага» вследствие пандемии *COVID-19*².

Доверие граждан к власти — ключевой элемент стабильности демократии. Однако данные исследования по странам ОЭСР показывают, что в среднем лишь 40% граждан стран-членов доверяют национальным правительствам и только 30% считают, что их голос влияет на политику. В США в 2021 г. штурм Капитолия стал следствием сомнений простых граждан в легитимности выборов, что отразило глубокий раскол в обществе. В Италии 70% граждан считают ЕС обреченным без реформ, а 66% винят Запад в глобальных конфликтах. Эти явления связаны с разрывом между ожиданиями граждан и действиями элит, а также с фрагментацией политической коммуникации³.

Проблема «здоровой» демократии заключается на местном уровне в низком уровне гражданского участия в публичных мероприятиях (из-за чего мероприятия теряют репрезентативность для более широких слоев населения), на национальном и особенно региональном уровне наблюдается низкая явка избирателей. Все большее и большее число стран мира в настоящее время полагаются на активное участие граждан и (реже) процедуры совместного принятия решений обществом в целом, что необходимо для выявления общественных настроений, совокупности мнений и позиций.

Исследования участия показывают, что практики делиберативной демократии, совещательные процессы могут помочь расширить информированность граждан по определенным темам и укрепить их навыки гражданского участия и восприятия политической эффективности [Knobloch 2022]. Доля респондентов, не доверяющих правительству, т.е. тех, кто оценил свой уровень доверия в 0 баллов, снизилась на 2 процентных пункта — с 13,6% в 2021 г. до 11,5% в 2023 г.; а доля тех, кто выбрал ответ от 8 до 10, что указывает на высокий уровень доверия, снизилась на 4 процентных пункта⁴.

¹ OECD Survey on Drivers of Trust in Public Institutions — 2024 Results. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2024/07/oecd-survey-on-drivers-of-trust-in-public-institutions-2024-results_eeb36452/full-report/component-5.html#figure-d1e827-dc86653da9 (accessed 24.09.2025).

² Building Trust to Reinforce Democracy: Main Findings from the 2023 OECD Survey on Drivers of Trust in Public Institutions. — *OECD*. 2024. doi: 10.1787/b407f99c-en.

³ OECD Survey on Drivers of Trust in Public Institutions — 2024 Results. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2024/07/oecd-survey-on-drivers-of-trust-in-public-institutions-2024-results_eeb36452/full-report/component-5.html#figure-d1e827-dc86653da9 (accessed 24.09.2025).

⁴ Ibid.

Таблица 1

**Оценка доверия национальному правительству в странах ОЭСР.
Доля населения, указывающего на разный уровень доверия к правительству
(по шкале от 0 до 10, где 0 – совсем не доверяю,
10 – высокий уровень доверия), 2023 г., %**

Страна	Не знаю	Низкий или нулевой уровень доверия	Нейтраль- ный	Умеренный/ высокий уровень доверия
В среднем по странам ОЭСР	0,79	44,21	15,70	39,30
Бельгия	0,80	36,32	15,70	47,17
Канада	0,94	34,56	16,00	48,51
Швейцария	1,39	23,55	13,12	61,94
Чехия	0,19	71,10	10,16	18,55
ФРГ	0,69	48,70	14,59	36,01
Дания	0,69	41,83	13,45	44,04
Испания	2,63	37,40	23,20	36,77
Эстония	0,42	48,66	13,11	37,81
Финляндия	0,14	39,64	13,24	46,99
Франция	0,54	50,68	14,46	34,31
Великобритания	0,82	56,86	15,66	26,65
Греция	0,89	53,38	14,07	31,66
Ирландия	0,11	41,58	11,73	46,59
Исландия	1,03	49,15	13,38	36,45
Италия	1,01	46,67	16,38	35,94
Республика Корея	0,48	44,30	18,07	37,15
Люксембург	0,87	26,05	17,52	55,56
Латвия	0,81	53,81	16,66	28,72
Нидерланды	0,31	39,61	16,16	43,92
Норвегия	1,03	38,79	12,54	47,63
Португалия	1,33	45,53	21,60	31,53
Словакия	1,13	51,25	16,14	31,48

* *Примечание:* показано распределение ответов на вопрос: «По шкале от 0 до 10, где 0 – совсем не доверяю, а 10 – полностью, насколько вы доверяете правительству?». Ответ от 0 до 4 соответствует низкому или нулевому уровню доверия, от 5 – нейтральному и от 6 до 10 – высокому или умеренно высокому доверию. ОЭСР представляет собой невзвешенное среднее значение по странам.

Снижение доли не доверяющих или респондентов с высоким уровнем доверия в пользу социальных групп с низким и умеренно высоким доверием можно рассматривать и как положительный знак того, что меньше граждан оказывают доверие правительству, не веря в их ответственность и надежность, либо цинично полагают, что они совершенно не заслуживают доверия независимо от доступности информации. Общественное доверие значительно различается в зависимости от предпочтений граждан по отношению к различным государственным институтам. Как правило, силовые, правоохранительные, судебные институты власти у граждан пользуются большим доверием, чем институты, которые считаются публичными и политическими, такими как политические партии.

Результаты исследования позволяют констатировать, что в странах ОЭСР правоохранительная и судебная система являются государственными институтами, наиболее вызывающими доверие. В среднем более 6 из 10 респондентов (63%) доверяют полиции, что даже превышает уровень межличностного доверия в обществе (62%). Более половины респондентов (54%) отметили высокий или умеренно высокий уровень доверия к судебной системе. Национальным институтам государственной службы доверяют 45% респондентов, что близко к показателям доверия к региональным государственным или местным органам управления (43%)¹.

Большой вопрос заключается в том, в какой степени совещательные подходы способствуют общественному доверию, на самом ли деле это способствует приросту политического влияния граждан? Наблюдатели и исследователи сходятся во мнении, что успешные практики делиберативной демократии завясят, среди прочего, от того, смогут ли участники своими усилиями добиться реального политического эффекта. Если к гражданам прислушиваются, но их вклад фактически не учитывается и, хотя бы частично, не принимается в расчет администрацией и политическими представителями, граждане быстро потеряют интерес, и мероприятия с их участием станут имитацией [Большаков, Большакова 2021].

До сих пор в центре внимания демократических теорий всегда была концепция демократии, определяемая с точки зрения коллективных решений или накопления предпочтений посредством института выборов или представительства. Делиберативная перспектива демократии не создает представительства или того, что посредством электоральных процедур политическая система пытается улучшить качество голосования [Freeman 2000]. Представительство важно в контексте совещательной демократии. Совещательная форма демократии не может быть эффективной без институтов представительства.

Делиберативный поворот в теории демократии основывается на предпочтениях граждан — участников политического процесса, рассматриваемых сквозь призму публичных действий, сосредоточиваясь на том, что члены общества должны делать вместе.

Проблемы политических дискуссий могут найти разрешение, как только кто-то вступает в дискуссию, в которой приводит причины, которые могут оправдать его собственные аргументы. Р. Шульце дает следующее определение: «совещательная демократия — это нормативная модель демократии, которая опирается на убедительную силу систематических соображений и выводов в публичных дебатах, а также на ориентированные на понимание коммуникативные действия граждан» [Schultze 2002].

¹ Ibid.

Основная идея совещательной демократии заключается в самой идее дискуссий, когда граждане совещаются, обмениваются мнениями и аргументируют позиции, подтверждающие актуальность общественно-политических задач. Граждане полагают, что их политические взгляды могут быть пересмотрены путем дискуссий с другими гражданами; и поэтому эти мнения не являются просто фиксированным результатом существующих частных или неполитических интересов [Rawls 1997].

Ю. Хабермас выступает за совещательное ядро политики в делиберативной концепции демократии, основанной на дискурсоориентированных отношениях между публичной коммуникацией и законом. Модель делиберативной (совещательной) демократии, по его словам, так же, как «радикальная демократия» (которая, впрочем, позиционируется как альтернатива авторитарному социализму и либеральной демократии) [Scheurman 2002: 62], определяется следующим образом: «Сознательно фильтруемые политические коммуникации базируются на свободе политической культуры и просвещенной политической социализации, зависящей от гражданских инициатив, их ассоциаций, формирующих общественное мнение, — которые в значительной степени формируются и зарождаются стихийно» [Habermas 1992: 366].

Дискуссия в контексте совещательной формы демократии более конкретна, чем концепция коммуникации. Обсуждение требует точной конфронтации в контексте политических дискуссий. Термин «дискуссия» является одним из многих средств достижения коммуникативного статуса.

Цель публичных дискуссий — не ограничиться представительством определенных групп элит, а, скорее, охватить все общество. Это приводит к выводу, что такая модель совещательной демократии достигнет своих целей, как только определенные характеристики граждан (речь идет не только об описании граждан как таковых, но и о том, как граждане объединяют свои мнения в статусе взаимного признания) объединят уважаемые политические и социальные институты. Речь идет об эпистемической перспективе делиберативной демократии, которая движется в разных направлениях. У Коэна, например, речь идет об идеальных процедурах, касающихся совещательной формы демократии [Cohen 1986]. Д. Эстлунд писал, что идеал совещательной демократии зависит от практики избирательных процедур. В соответствии с независимыми от процедуры или эпистемическими стандартами легитимность решения обычно считается основанной на фактах о процедуре, а не на качестве результата [Estlund 1999: 174].

В настоящее время делиберативная перспектива подчеркивает, что демократия — это не только определенные принципы, такие как необходимая ей справедливость или стабильность; она также должна основываться на определенных характеристиках граждан. Делиберативный взгляд на демократию представляет граждан как основу общественной дискуссии, выражение воли граждан. Граждане берут на себя роль политических акторов, выражая свои идеи, позиции, знания. Они стремятся представить свои аргументы в части обоснования общественно-политических проблем, принимая во внимание, что отказ от определенных аргументов означает более сплоченное общество [Stokes 2002]. Дискуссии в публичной сфере показывают направления мнений общества, объединяют различные аргументы, и требуют коллективных действий.

Идея публичной сферы у Ю. Хабермаса связана с понятием открытости. Речь идет о формировании мнений в рамках равного участия всех граждан в общественных делах. Публичная сфера состоит из прямых и опосредо-

ванных дискуссий «критически мыслящих» личностей, которые тем самым формируют общественное мнение и, таким образом, способны оказывать давление на политическую систему, не будучи формально ее частью [Dews 1993: 362].

В рамках демократической теории публичная сфера выполняет преимущественно четыре функции: «1) основа развития активной гражданской позиции, 2) общественное благо определяется на материальном уровне, поэтому общественное благо играет роль средств политических действий, 3) публичная сфера обеспечивается прозрачностью посредством рекламы в средствах массовой информации, 4) публичная сфера выступает в качестве гарантии демократических принципов политики и ее компетентности» [Heming 1997: 5].

Ю. Хабермас связывает разработанную концепцию публичной сферы как с дискурсоориентированными действиями, так и с принципом демократии. Нормативная репрезентация принципа публичности общества отвечает за институционализацию принципа демократии. К принципам демократии относятся концепции автономии, свободы и суверенитета, которые являются предпосылками функционально развитого общества. Народный суверенитет переформулируется путем разделения частного и общественного посредством включения социального.

Дискурсивная концепция демократии опирается на политическую мобилизацию и использование производительной силы коммуникации. Дискурс эффективен и перспективен только в том случае, если существует интеллектуальная открытость со всех сторон.

Публичная сфера функционирует, с одной стороны, как средство самопонимания социальных акторов, а с другой — она является инструментом просвещенного формирования мнений гражданского общества, когда аудитория преобразует форму рационализации государственно-политического волеизъявления и принятия решений [Schmalz-Bruns 1995: 103].

Хабермас подчеркивает, что взаимодействие между институциональным формированием политической воли и эффектами спонтанной коммуникации призвано программировать выявление и решение проблем [Habermas 1990: 90].

Делиберативная демократия посредством дискуссии не означает, что акторы могут вести свою жизнь с какой-либо свободой без обязательств, но ее далеко не достаточно, чтобы построить на такой основе всю политическую систему. Демократические решения с совещательной точки зрения не зависят от суммы индивидуальных предпочтений; вместо этого они должны дополняться общественными дискуссиями и обсуждением, которое предшествует голосованию. Эта модель ставит под сомнение логику, которая характеризует институты представительной и прямой демократии, и выносит политические дискуссии на первый план.

Однако прежде чем может состояться какое-либо настоящее демократическое обсуждение, этот разговор должен соответствовать двум строгим критериям «идеальной ситуации для разговора». С одной стороны, истинность дискуссий должна быть инклюзивной. Каждый, кому подлежит принимать решения, должен быть вовлечен в процесс, ведущий к этому решению. Ко всем мнениям следует относиться с одинаковым уважением. С другой стороны, обсуждение должно быть рациональным. Аргументы за и против конкретной позиции должны быть обоснованы разумными основаниями и сформулированы в терминах, приемлемых для других.

Рациональная дискуссия в обществе подразумевает, что участники обсуж-

дения открыты для убеждения: когда сформулированы убедительные контр-аргументы, идеальная модель публичных дискуссий совещательной демократии требует, чтобы граждане поддались «принудительному принуждению лучшего аргумента». Совещательный идеал предлагает политическую систему, основанную на обсуждениях, систему, в которой не политика силы, а принятие разумных аргументов приводит к решениям. С нормативной точки зрения эта модель очень привлекательна. Однако возникает вопрос, может ли демократия, основанная на обсуждении, дать адекватный ответ на проблемы, с которыми сталкивается представительная демократия, такие как разрыв между гражданами и политикой.

По мнению сторонников делиберативной демократии, данная модель действительно позволяет модернизировать политический процесс как на входе, так и на выходе. С другой стороны, делиберативная демократия имеет преимущество с точки зрения легитимности. В своем идеальном типе делиберативная демократия направлена на непосредственное вовлечение гражданина в процесс принятия решений по вопросам, которые его непосредственно касаются.

Удовлетворенность демократией возрастает сразу после выборов, а политический цинизм и накал политических дискуссий немного снижается. Эффекты небольшие, но значительные. Об этом свидетельствуют исследования Университета Гронингена [Rouyre, Fernandez, Estrada 2024], которые фиксируют также процесс «фрагментации» партий на низовом уровне. Число действующих партий в муниципальных советах Нидерландов увеличилось с 6,0 до 6,8 партий. Возросшая фрагментация не влияет на уровень удовлетворенности политиками. Граждане полагают, что неизбираемые институты имеют большое влияние на принятие решений и, соответственно, не доверяют административно-исполнительным институтам. Избиратели в большей степени доверяют палате представителей и муниципальному совету. Большинство избирателей считают, что партии как субъекты публичной сферы имеют большое влияние на принятие политических решений, однако они в этом не уверены. Около четверти избирателей придерживаются мнения о непрозрачности институтов власти. Общество верит, что существуют некие силы, манипулирующие органами власти, их потенциалом воздействия на политический процесс, хотя не всегда обществу понятно, как оказывается воздействие на власть неизбираемыми институтами, такими как крупные компании или правящая элита.

Исследование выявило несколько ключевых тенденций в восприятии демократии и политического участия гражданами, которые имеют важные последствия для повышения доверия к политическим институтам. Тот факт, что 30% избирателей лично знали кандидата, за которого голосовали, а наименее циничными оказались именно эти люди, подчеркивает важность персонализированной политики на местном уровне. В небольших муниципалитетах и провинциях, где социальные связи сильнее, такая близость к кандидатам формирует более высокий уровень доверия. Укрепление локальных политических сетей, публичные дебаты и «открытые двери» в местных администрациях могут повысить прозрачность и снизить цинизм общественных настроений.

90% граждан позитивно относятся к участию в обсуждении проблем и решений на муниципальном уровне. Это подтверждает запрос на совещательную демократию, где граждане не просто голосуют, но и влияют на принятие решений. Более 80% поддерживают модели, где граждане сами предлагают

решения, а 60% готовы участвовать в их реализации. Это говорит о желании населения брать на себя ответственность за развитие своих районов [Roouge, Fernandez, Estrada 2024].

Люди с высшим образованием активнее вовлекаются в сложные формы демократии (например, в разработку решений), тогда как менее образованные граждане теряют интерес, когда инициатива требует большей самостоятельности. Это может быть связано с недостатком ресурсов (время, информация, навыки) у менее образованных групп; низкой уверенностью в своей способности влиять на процессы, риском неравенства. Если не устранить этот разрыв, демократия может стать привилегией образованных слоев, что усилит социальное расслоение в обществе.

Заключение. Исследование подтверждает тезис, что демократия работает лучше, когда она ближе к людям. Личное знакомство с кандидатами, разнообразие форм участия и учет социально-образовательных различий — ключевые факторы для повышения вовлеченности. Однако для реализации этого потенциала необходимы системные усилия по устранению барьеров и созданию инклюзивной среды, где каждый гражданин чувствует, что его голос имеет значение. Делиберативная демократия остается важным инструментом для преодоления кризиса легитимности, но ее реализация требует учета разнообразия интересов через плюрализм; институциональных реформ, обеспечивающих равный доступ к участию; укрепления социального капитала через образование и прозрачность.

Список литературы

Большаков С.Н., Большакова Ю.М. 2021. Триггер «плохой» европейской политики: причины популизма и модернизация политики. — *Проблемы управления* (Минск). № 2(80). С. 16-21.

Кустарев А. 2017. Deliberamo ergo sumus. Демократический централизм и делиберативная демократия. — *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. № 6(116). С. 3-12.

Линде А.Н. 2015. Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов. — *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. Т. 8. № 1. С. 52-58.

Cohen J. 1986. An Epistemic Conception of Democracy. — *Ethics*. Vol. 97. No. 1. P. 26-38.

Dews P. 1993. Faktizität und Geltung und Öffentlichkeit. — *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. № 41(2). S. 359-364.

Estlund D. 1999. Beyond Fairness and Deliberation: The Epistemic Dimension of Democratic Authority. — *Deliberative Democracy. Essays on Reason and Politics* (ed. by J. Bohman, W. Rehg). Cambridge. MIT Press. P. 173-204.

Freeman S. 2000. Deliberative Democracy: A Sympathetic Comment. — *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 29. No. 4. P. 371-418.

Giddens A. 1994. *Beyond Left and Right. The Future of Radical Politics*. Stanford, Calif.: Stanford University Press. vii + 276 p.

Habermas J. 1990. *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*: mit einem Vorwort zur Neuauflage. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. 391 s.

Habermas J. 1992. *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechtes und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt a.M. 666 s.

Heming R. 1997. *Öffentlichkeit, Diskurs und Gesellschaft*. Zum analytischen

Potential und zur Kritik des Begriffs der Öffentlichkeit bei Habermas. Marburg. vii + 300 s.

Höffe O. 1999. *Demokratie im Zeitalter der Globalisierung*. München. 476 s.

Hofmann W. 2004. Jürgen Habermas. — *Politische Theorie der Gegenwart in Einzeldarstellungen* (G. Riescher, Hrsg.). Stuttgart. S. 209-215.

Knobloch K. 2022. Listening to the Public: An Inductive Analysis of the Good Citizen in a Deliberative System. — *Journal of Deliberative Democracy*. Vol. 18. No. 1. P. 1-13. DOI: 10.16997/10.16997/jdd.955.

Mouffe C. 2013. *Agonistics. Thinking the World Politically*. Verso Books. xvii + 149 p.

Rawls J. 1997. The Idea of Public Reason Revisited. — *Collected Papers* (ed. by S. Freeman). Cambridge. P. 573-615.

Rouyre A., Fernandez A.S., Estrada I. 2024. Co-evolution of Governance Mechanisms and Coopetition in Public-Private Projects. — *Journal of Operations Management*. Vol. 70. No. 1. P. 50-79.

Sartori G. 1962. *Democratic Theory*. Detroit: Wayne State University Press. 479 p.

Scheurman W.E. 2002. Between Radicalism and Resignation: Democratic Theory in Habermas's "Between Facts and Norms". — *Discourse and Democracy. Essays on Habermas's "Between Facts and Norms"* (ed. by R. von Schomberg, K. Baynes). New York.

Schmalz-Bruns R. 1995. *Reflexive Demokratie. Die demokratische Transformation moderner Politik*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft.

Schultze R.-O. 2002. Deliberative Demokratie. — *Lexikon der Politikwissenschaft, Theorien, Methoden, Begriffe* (herausgegeben von D. Nohlen, R.-O. Schultze). München: C. H. Beck. S. 119-120.

Stokes G. 2002. Democracy and Citizenship. — *Democratic Theory Today* (ed. by A. Carter, G. Stokes). Cambridge: Polity. P. 23-51.

SERAVIN Aleksandr Igorevich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Researcher of the Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, Saint Petersburg, Russia, 199034; electoral.politic@gmail.com)

ON TRUST IN POLITICAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF CHALLENGES OF DELIBERATIVE DEMOCRACY

Abstract. The article reveals the main areas of research of deliberative democracy and the crisis of trust. It states that the concept of deliberative democracy is aimed at overcoming the crisis of representative democracy through the involvement of citizens in a rational dialogue to form a public consensus. The conducted analysis allows us to note that the implementation of deliberative democracy faces challenges associated with the lack of fair procedures and growing distrust of political institutions. The deliberative model emphasizes the role of public discussion and reasoned dialogue as the basis for the legitimacy of political decisions. The study identifies problems in the implementation of deliberative procedures, such as lack of inclusiveness, when public dialogue is often limited to a narrow circle of elites, which excludes less prepared citizens from the political process; the use of manipulation and populism tools, when the media and elites deliberately distort information, replacing rational discourse with emotional narratives. In conclusion, the author states that ways to strengthen trust are possible through deliberative mechanisms, such as digitalization, which allows the use of online platforms for mass participation, initiatives in the direction of political education, openness of data and decisions, when a high level of trust correlates with an effective model of political governance.

Keywords: democracy, deliberation, political trust, public sphere, political participation